

ЯЗЫК

В.В. Ляшенко

ЛЮБОВЬ: ОТ ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ПОНЯТИЮ

Аннотация. Данная статья представляет собой попытку осмысления автором психологического явления через соответствующее этому явлению слово – «любовь». Известная лингвистическая модель Ф. де Соссюра, на которой базируется современная семиотика, рассматривает слово как целостный конструкт, выступающий результатом связи «означающего» с «означаемым». Другими словами, «означаемое» немислимо без «означающего», не существует вне его. Бенвенист определяет «означающее» как «звуковой перевод идеи», указывая тем самым на неслучайность и произвольность звуковой оболочки слова.

Придерживаясь системного подхода, автор использует в своей работе следующие методы: гипотетико-дедуктивный метод и анализ лексикологических источников.

Новизна исследовательского подхода состоит в том, что впервые психологическое явление рассматривается в тесной связи с обозначающим его словом, что является значимым для развития межпредметных связей и расширяет методологический аппарат психологии. Автор настоящей статьи, исходя из идеи неразрывной связи означающего и означаемого, рассматривает смысловые соответствия слова «любовь» в индоевропейских языках. Результатом этого сопоставления становится вывод о деятельной, созидательной и связующей природе любви.

Ключевые слова: любовь, желание, жажда, жертва, жизнь, надежда, одиночество, бытие вместе, деятельность души, установление связи.

Review: The article presents a semantic analysis of the concept «love». The well-known Saussurean model of the linguistic sign, on which modern semiotics is based, recognizes a word as an integral structure formed by a 'signifier' and 'signified'. In other words, the 'signified' is meaningless without the 'signifier' and does not exist apart from it. Benveniste defines 'signifier' as 'the phonic translation of a concept' and thus argues that the sound image of the word is neither accidental nor arbitrary. Following the systems approach, the author has used the following methods in his research: hypothetico-deductive method and analysis of lexicological sources. The novelty of the author's approach is caused by the fact that for the first time in the academic literature the psychological phenomenon is viewed from the point of view of its relation to the denoting term which plays a very important role for the development of intersubject communications and extends the methodologies of psychology. Using the principle of inseparable connection between the 'signifier' and 'signified', the author analyzes semantic parallels of the word 'love' in Indo-European languages. The article argues that love is active, creative, and connective by nature.

Keywords: the function of the Soul, love, desire, thirst, sacrifice, existence, expectance, loneliness, existence together, establishment of relations.

Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык – это клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками!

Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса.

(И.С. Тургенев)

Обращаться с языком кое-как – значит и мыслить кое-как: неточно, приблизительно, неверно.

(А.Н. Толстой)

Человеческая культура есть культура слова. Вне слова опыт человечества для нас становится недоступным, вне словесной речи человек не становится человеком, не имеет возможности проявить, осуществить свои человеческие качества, не обретает человечности. Слово для нас предельно важно, ибо вне слова мы не способны постигать ни мир, ни душу, которая является частью мира. Словом мы проявляем самих себя не только для других, но и для самих себя.

Словом мы упорядочиваем свой опыт, делаем его для себя явным. Можно сказать и ещё более определённо: слова рождают, создают явления мира. Именно через слова явления приобретают для нас неподвижную определённость, неизменное качество – свою таковость. Слово делает тайное явным. Соответственно, чем слово точнее, правильнее, тем и наше представление о действительности вернее, тем мы ближе к сущности явлений, к действительности. Язык определяет сознание: неточные слова создают неточные представления; неточные представления создают неточный взгляд на действительность. Мировоззрение определяет мировосприятие (как смотрим, так и видим). Когда мировоззрение расходится с действительностью, мы перестаём соответствовать жизни.

Нередко смысл, вкладываемый разными людьми в одни и те же слова, оказывается принципиально различным, особенно когда мы не даём себе труда вникнуть в значение используемого нами слова – одними и теми же словами мы порой пытаемся передать совсем разный опыт. В результате этого мы зачастую не только не понимаем друг друга, но и, что более важно, мы не понимаем и самих себя. И это влечёт за собой множество неочевидных, но, тем не менее, неприятных следствий, начиная с разложения культуры общества в целом и заканчивая психическими расстройками людей.

В данной статье мы рассмотрим всего лишь одно, но важное слово – «любовь». Это слово – одно из самых непростых, так как в настоящее время под любовью понимают чуть ли не всё что угодно. Способствует такому размыванию понятия то, что в современной культуре, когда идёт речь о любви, внимание уделяется не столько самому явлению, получившему соответствующее ему название, сколько сопоставлению различных точек зрения и мнений о том, что это такое. Отсюда неизбежно возникают такие разнообразие понятия, как «христианская любовь», «платоническая любовь», «плотская любовь», «любовь Ивана Ивановича», «любовь Марии Петровны» и т.п., а также понятие о таких разновидностях любви, как эрос, агапе, филлия, сторге и т.д.

Постановка вопроса о субъективном переживании любви естественна и оправданна, когда мы соприкасаемся с душевным миром конкретного человека (например, в психологическом консультировании). В этом случае мы проясняем, что для него есть его любовь, о чём именно он говорит, когда не-

кие свои переживания (какие именно?) называет любовью. Но тогда мы заняты именно исследованием жизни этого человека, а вовсе не исследованием «любви» как особого явления душевной жизни.

Когда же мы намерены вести речь именно о любви, необходимо определить изначально, о чём именно мы говорим; в противном случае все наши толкования и мнения могут расходиться в исходной точке: есть вероятность, что мы будем говорить о чём-то разном, подразумевая, что говорим об одном и том же. Подобное положение нередко складывается в условиях неуважения к слову – при убеждённости, что слово не может говорить само за себя. Но слово возникает и существует как определение некоей сущности, некоего так или иначе обособленного явления окружающего мира. Слово для нас есть показатель самобытности и цельности данного явления. И мы можем обращаться к тому или иному явлению действительности, изучать его, высказывать о нём свои мнения только через соответствующее слово. Именно поэтому не может быть никакой «христианской» любви, «платонической», «плотской» и пр. Слово «любовь» цельно, в нём не выделяются христианские или какие-либо иные составляющие, а значит, неделимо и явление, которое оно обозначает. Просто есть *любовь* – и есть что-то иное.

Разумеется, существуют словарные определения любви, но и в них основное внимание уделяется *толкованию* понятия теми или иными философами, в той или иной культуре или эпохе. И поскольку нет твёрдой уверенности в том, что речь всякий раз идёт об одном и том же явлении, изначально обозначенном конкретным словом, то вопрос остаётся открытым. Этимологические описания, по видимому, могут дать более точную информацию относительно связей слова с соответствующим явлением, однако подобные описания зачастую и недостаточны, и противоречивы, и нуждаются в кропотливом исследовании. Но, скорее всего, это именно тот путь, который нужно избрать.

Таким образом, когда мы хотим познать сущность явления, важно обратиться к происхождению слова, обозначающего это явление: слово способно дать весьма точное указание. И этимологические словари в этом случае могут быть полезны, хотя, конечно же, и к ним стоит относиться осторожно, поскольку случается, что и они содержат очевидные несоответствия действительности. В общении же с конкретным человеком полезнее обращаться не столько к формальным словарным смыслам, сколько к тому, что человек

имеет в виду – к его субъективным смыслом. Тогда есть большая вероятность, что разговор будет проходить не на поверхностном конвенционально-логическом уровне, а на уровне действительных смыслов, по сути, на уровне души.

Итак, попробуем прояснить значение русского слова «любовь», и быть может, это поможет нам лучше понять, что есть любовь в нашей жизни. Начнём с обращения к этимологическим словарям.

В этимологическом словаре русского языка Макса Фасмера [19, т. 2, с. 544] слово «любовь» производится от слова «любо»: *любой, любый* «дорогой», укр. *любий*, др.-русск. *любъ*, словен. *ljub, ljuba*; чеш. *libu* «милый, любимый, приятный». Отсюда *любовь*, укр. *любов*, др.-русск. *любы, любъве*, сербохорв. *љуби, љубав*, словен. *ljubav*. Родственно лит. *liaupse* «почёт», «хвалебная песнь», *liaupsinti* «восхвалять»; др.-инд. *lubhyati* «желает», *lobhas* «желание, жажда», *lobhayati* «возбуждает желание»; гот. *liufs*, д.-в.-н. *liob* «дорогой, милый»; с другим вокализмом: д.-в.-н. *lob* «хвала»; гот. *lubains* «надежда», *galaubjan* «верить»; лат. *lubet, libet* «угодно», *lubido, libido* «страстное желание», алб. *laps* «желаю, жажду».

Краткий этимологический словарь русского языка Шанского [21, с. 250] объясняет слово «любой» следующим образом: *общеслав. любой* < *любый* «милый, дорогой» < «возбуждающий любовь, страсть, неодолимое желание»; того же корня, что нем. *lieb* «любимый, милый», лат. *libet* «нравится», др. инд. *lúbhyati* «чувствует неодолимое желание» и т.д. Исходное значение – «возбуждающий неодолимое желание», затем – «любимый, милый, дорогой», далее – «тот, который при свободе выбора нравится больше» и, наконец, – «всякий».

А далее пойдём по тем смыслом, на которые нам указывают словари.

Слово «милый» по существующим данным происходит от др.-инд. *tauas* «услуга, удовольствие, радость», а также связано с лат. *mitis* «кроткий, дружелюбный», ирл. *moith* «нежный», греч. «приятный дар» [19, т. 2, с. 622].

Слово «хвала» (Фасмер сообщает, что достоверная этимология отсутствует, однако это касается чуть ли не большинства слов) связано со значением «благодарность»; одни исследователи предполагают экспрессивную переделку *slava*, причём заимствовано из антонима *xula*; другие сближают с др.-инд. *svarati* «звучит, раздаётся», *svaras* «звук»; с др.-исл. *skvala* «кричать, звать»; *skvali* «шумящий»; предполагают, что слав. *xъl-, xval-* первонач. означа-

ло «говорить о себе» и происходит из *swa-*, ср. греч. «сверстник» [19, т. 4, с. 228].

Таким образом, мы имеем следующие значения слова «любовь»: *дорогой, милый (успокаивающий, радующий, дружелюбный, нежный, приятный дар), удобный, жажда, желание, хвала, почёт, хвалебная песнь, надежда, верить*. Предварительный вывод, который мы можем сделать, – слово «любовь» означает *страстное желание* чего-то, что *особо дорого, мило, приятно*. А также, возможно, это ещё и *хвала* (слово, восходящее к словам «слава, звучать, кричать, шуметь, говорить о себе», и означающее *благодарность*).

Но не будем пока торопиться с окончательными выводами, так как те слова, которые мы с вами рассмотрели, также нуждаются в более глубоком исследовании – их смысл не является таким уж однозначным. Обычно мы довольствуемся поверхностным знанием смысла слова: в лучшем случае выясняем определение по словарю, в худшем – ориентируемся на расхожее понимание, но крайне редко пытаемся уточнить глубинное значение слова, указывающее на некое действительное явление. А это означает, что в тех случаях, когда мы не углубляемся в слова, имеющие отношение к чувствам, мы не углубляемся в *явления души*. И в таком случае мы разговариваем на мёртвом языке и не выражаем ничего существенного – тогда существенного мы вовсе не знаем: не утруждая себя заглянуть в смысл слова, мы не утруждаем себя заглянуть и в самих себя, так как постоянно обманываем себя словами, их кажущейся простотой и очевидностью.

Итак, если слово «любовь» (*любо*) означает *жажду, желание*, то что, в свою очередь, означают эти слова?

У В. Даля [15] слово «желать» означает *жаждать, хотеть, стремиться* к чему или *призывать* что; *волить, вожелеть*. «Жадать»: *жаждать, хотеть* пить; *сильно желать, хотеть, вопить*.

У М. Фасмера [19, т. 2, с. 40]. Одни исследователи говорят, что нужно отделять «желать» от «жалъ» и «жалеть», другие, напротив, считают, что нельзя отрывать от «жалеть», русск.-цслав. «желти»; сюда же относят лит. *gelti*, лтш. *dzelt* «колоть», «галить» – *желать*. «Жадать»: *жаждать, желать, ощутить недостаток, тосковать, стремиться*. «Галить»: *баловать, ласкать, доставлять удовольствие; утешать, успокаивать; любоваться; улыбаться, насмехаться, шутить; побуждать, резвиться, подгонять; быть преданным*.

В историко-этимологическом словаре Черных [20, с. 290-291] находим:

- связь слова «жалеть» со словами «жалить, боль, скорбеть, мука»;
- «жадный» – *испытывающий жажду, нуждающийся, сильно желающий*;
- «ждать» – *желать, быть жадным, требовать*;
- «желать» – *хотеть, иметь стремление к чему-либо; печалиться, горевать о ком-либо, сожалеть, скорбеть; хочу, требую, могу*.

Старославянский словарь [18, с. 212]:

- «жалити» – *сетовать, скорбеть*;
- «жалость» – *усердие, рвение*.

Словарь Срезневского [17, с. 840-848]:

- «жажа, жажда» – *отсутствие влаги, безводье, сухость, желание*.
- «желаннык» – *любленник*.
- «желанное» – одно из трёх свойств души – *воля*: душа от трёх частей есть, то есть это значит, имеет три силы: *словесное, и яростное, и желанное*. «Желанное, иже добродетель оубо имеет, еже къ Богу воину имети желание».

Теперь ещё мы можем вспомнить, что со словом «желание» связано другое слово – «потребность». *Потребность* есть *нужда* и *треба*. Слово «нужда» происходит от праславянской формы, от которой в числе прочего произошли: др.-русск. *нужа*, ст.-слав. *ноужда*, чешск. *pouze* «нужда, бедность» [19, т. 3, с. 88]. Если мы вслушаемся в звучание слова «нужда», то нельзя не услышать всё то же *жда*, которое приводит нас всё к тому же – *ждать, жаждать, желать*. А если мы внимем в психологическое значение *нужды/жажды*, то мы с очевидностью увидим, что она есть непосредственное проявление самой *жизни*. И в этой связи хочется вспомнить определение потребности, которое в своё время дал П.В. Симонов: «Потребность – специфическая (сущностная) сила живых организмов, источник активности живых систем в окружающем мире» [14]. Это определение как нельзя лучше соотносится как с нашим непосредственным опытом переживания нужды, так и с русским языком, в котором глагол *жити* (*giti*) означает «бодрствовать, двигаться».

Слово «треба» у Фасмера [19, т. 4, с. 45-95] означает *жертвоприношение* и понимается как *исполнение долга*. Сравнивается со словами «требовать, тереть, тереться». В свою очередь «тереть, треба, требовать» означают: *очищать, корчевать, просевать*;

работать, обязанность; жертва, жертвоприношение; пробовать, испытывать; необходимость, нуждаться; процветание, произрастание; полезный, приносит пользу; насыщать, радовать. Слово «жертва» (от ст.-слав. *жръти*) при этом родственно словам «хвала, хороший, желанный, приятный, благодарный»: лит. *geras* «хороший», др.-инд. *grnati* «воспевает, превозносит, восхваляет», *gir* «хвала, награда», авест. *gar* «хвала, награда, хвалебная песнь», лат. *gratus* «желанный, приятный, благодарный», греч. *geras* «почётный дар» [19, т. 2, с. 50]. Оно указывает на то, что путём жертвы происходит *восхваление, прославление и благодарение* того, кому она приносится. Не лишним здесь будет упомянуть и такое слово, как «жрец» («приносящий жертву»), связанное со значениями: *хвалить, прославлять, славить, взывать, превозносить, награда, благодарность* [19, т. 2, с. 63].

А теперь постараемся связать единый узор из всех этих нитей.

- Слово «любовь» связывается со словом «желание».

Вопрос, который при этом не совсем проясняется: как именно эти слова связаны, если у них не наблюдается (по крайней мере, на первый и даже на второй взгляд) никакого общего корня. Разве что в др.-инд. мы можем услышать какие-то похожие звуки: *lubhyati, lobhas, lobhayati*. Во второй части слова мы можем усмотреть нечто, напоминающее фриктивный (на манер украинского) «г»: *-hyati, -has, -hayati*. Обычно в этих словах выделяется корень *lobh* (*lobha* санскр. «жадность, алчность, страсть, желание») [8, с. 558]. Однако, возможно, это не совсем верно, поскольку в переводе с того же санскрита слово *hayati* означает «ненавижу, идти, звучать». Это обстоятельство объясняет, в связи с чем др.-инд. *lubhyati* (*lobhayati*) переводится как «страстное желание, жажда, возбуждать похоть». Это значение связано именно со второй частью слова, которая и указывает на *желание* (стремление, движение).

А что же при этом означает первая часть слова: *lub-, lob-?* В нём-то вполне определённо слышится *люб*. И тогда слово «любовь», возможно, не так уж однозначно объясняется словом *желание*, а лишь соединится с ним в некоем вторичном смысловом союзе, порождая новое слово. При рассмотрении славянских корневых основ слова «любовь», мы видим лишь связь (правда, тоже пока не вполне ясную) со словами *милый, услаждающий, радующий, дружелюбный, нежный*. Причём имеется и такое

слово, как *lob* – хвала, что также отличается от *жадности* и *страстного желания*.

Выше мы уже упоминали о том, что к словарям нужно относиться с осторожностью и не спешить принимать всё сказанное в них как непреложную истину. Давайте ещё раз обратим внимание на др.-инд. слова *lubhyati*, *lobhas*, *lobhayati*. Мы выделили в них две части: *lub/lob* и *hyati*, *has*, *hayati*. Не исключено, что в слове *lub/lob* можно выделить такую первооснову, как *lu/lo*. И именно это «лю/ло» мы слышим в словах «любовь», «милый». Но что такое это «лю»? Пролить свет на это может следующий ряд слов: *луч*, *лучина*, *луна* (*свет*, *заря*, *освещать*); *лучше*; *получить*, *улучить*, *отлучить*, *прилучить*, *разлука* («коли бог *лучит*» – «если бог *даст*»), *случай* (укр. *лучити* – *соединять*, отсюда *случка*); *лёгкий*, *лить* (ср. с лат. *libo* – *выливать*, *приносить жертву*), *слава*, *благо*, *блеск*, «*соль/сладкий*» (*солнце*); *lux* (лат. *свет*, *сияние*, *день*, *блеск*, *ясность*, *слава*, *спасение*); *luse* (ит. *свет*), *loche* (ирл. *молния*), *lustrо* (ит. *блестящий*, *глянцевый*), *lustig* (нем. *весёлый*, *радостный*), *lüft* (нем. *воздух*, *атмосфера*), *look* (англ. *взгляд*), *locate* (др.-инд. *видит*, *замечает*), *locanam* (др.-инд. *глаз*), *luck* (англ. *счастье*, *удача*). У всех этих слов, очевидно, имеется нечто общее, и это общее связано с такими значениями, как *свет*, *сияние*, *соединение*, *распространение*, *счастье*.

Обратимся теперь ко второй части – *hayati*, *hyati*, *has*. Одним из значений этих слов является *ненависть* [13]. Но, по-видимому, этот смысл является вторичным, поскольку, во-первых, санскриторусский словарь Кочергиной указывает на такие значения: *hay*, *hayati* – «звучать», «идти», *has* – «улыбаться, смеяться» [8, с. 769, 773], во-вторых, в индоевропейских языках имеется множество слов с этим корнем, значение которых иное: *хай* (русск. «крик», арханг. кемск. «опытность»; кур. калужск. «иди, ступай»; укр. «пусть»), *haju* (карельск «ум, разум»), *хайэ* (юж.-русс. «слава»), *heil* (нем. «благо, счастье, спасение, слава») родственно праслав. *celъ* (*целый*) и англ. *whole* и означает «полный, весь, здоровый, неповреждённый», *holy* (англ. «святой»), *hi*, *hey* (англ. «привет»), *high* (англ. «высокий, главный») [8; 15; 16]. Одним из значений слога «ha» в санскрите, действительно является значение «убивающий, уничтожающий» [8, с. 768]. Олжас Сулейменов в работе «Язык письма» [12], посвящённой новой этимологии, пишет о том, что один из первичных слогов «ha» являлся отрицающей приставкой в именовании быка и означал копьё, убивающее быка: *ha-bun*, *ha-tun* (*копьё-бык*: не бык – не луна – баран-солн-

це). Убийство быка символизировало переход от лунного культа (культа быка, коровы) к солнечному культу. В связи с этим мы можем понять, почему этот слог мог где-то закрепиться и в смысле *убийства/ненависти* (там, где остался лунный культ). Однако его сущностным смыслом всё же является *возглас силы* – *возглас прославления солнца*.

Таким образом, слово «любовь» на поверхностном (бытовом) уровне оказывается связанным с тем, что очень *мило*, *приятно*, *нравится*, что *улаживает* и *радует*, а также с *надеждой* и *желанием*. На глубинном же уровне его смысл связан с *распространением света*, *спасением*, *прославлением солнца*, *соединением*.

- *Желание* есть *жажда*, это страстно *хотеть* напиться, *потребность* в воде, *переживание недостатка*, *нехватки*. Слово «желание» через слово «галить» (чередование звуков «ж» и «г») связано с *любованием*, *балованием*, *утешением*, *успокоением*, доставлением *удовольствия*, то есть уже не с переживанием нехватки, а с её удовлетворением.
- *Потребность* означает *нужду* и *требую*.
- *Нужда* – это та же самая *нестерпимая жажда*,
- а *треба* – есть *жертва*, то есть *прославление* и *восхваление* кого-то. При этом *треба* связывается с понятиями *очищения*, *работы*, *принесения пользы* и *насыщения*.

И перед тем, как мы перейдём к выводам, хочется посвятить несколько строк слову «надежда», так как было бы непростительно пройти мимо него. Согласно этимологическому словарю Фасмера оно происходит от «на» и «деть», и далее от старославянского «дежд» – «класть, кладу» [19, т. 3, с. 37]. В современном языке у нас есть слово «деть» в выражениях: *куда-нибудь деть*, *куда деваться*, *одеть* и т.п. Слово «деть» указывает на *дело* и *деятельность* (возможно, что слово «дети» произошло отсюда же). Этимологические словари, к сожалению, внятно не объясняют происхождение слов «деятельность», «действие», «деяние», «делать». Единственное, что можно из них вынести – это, что слово «действие» означает проявление *силы*. А если попробовать углубиться в смысл, то можно выделить в этом слове определяющий слог «де». И здесь сразу приходит сравнение с китайским «дэ», где оно означает ту же *силу* (благая сила Пути-Дао): «Создавать и воспитывать существующее; создавая, не обладать тем, что создано; приводя в движение, не прилагать к этому усилий; руководя, не считать себя властелином – вот что называется глубочайшим Дэ» [4]. В связи с

этим «де», нельзя не обратить внимание на вторую половину слова «надежда»: – *дежда: де (действие) и жда (жажда)*. Надежда, таким образом, это то, что основано на *действии*, исходящем из *жажды, желания*. Другими словами: *надежда* – это не просто *ожидание* того, чтобы мне дали, а это моё собственное действие: давание мне осуществляется через моё брание – если я беру, тогда мне и дают. А если я не беру, то нет никого, кто мог бы мне дать.

Итак, у нас вырисовываются два смысла слова «любовь», причём оба эти смысла связаны со словом «желание». И это очень важно, потому что, именно ошибаясь в посыле своего *желания*, осуществляя его не тем и не так, как оно того *требует*, мы теряемся в своей любви и в своей жизни. Эти два смысла, возможно, пока не очень очевидны, поэтому продолжим наше исследование дальше.

Первый смысл слова «любовь» исходит из ощущения жажды, из желания обладания, желания *иметь себе*. Это и прямой смысл, исходящий из понятия *жажды*, и самое распространённое понятие любви в быту. Любовь в этом значении сейчас бы мы назвали *страстью* или *пристрастием* (родственно слову «страдание»). Однако нам стоит иметь в виду, что слова «страдание» и «страсть» связаны со словом «стараться» (работать, отсюда же и «старатель», и «страда», а возможно, и «труд», и «радеть»), происходящего от слова «старый», что значит «ставший (стоящий), крепкий, зрелый, сильный» (др.инд. *sthira* «крепкий», лит. *storas* «толстый, объёмистый», др.-исл. *storr* «большой, сильный, важный, мужественный»). В этом смысле, сущность *страсти* имеет положительный характер. В настоящее же время это слово имеет оттенок «нездорового» отношения к чему-либо. Однако это лишь следствие нашего отпадения от жизни. Все слова русского языка утверждают действительный мир и здоровое отношение к жизни.

На второй смысл слова «любовь» нам намекают слова, связанные со значениями *распространения света, прославления солнца, спасения, соединения*, а также слова «треба» и «жертва».

Треба есть *жертва*. Первичные смыслы слов уводят нас в те времена, когда человек был всецело включён в мир. Этот мир для человека был весь живой, населённый духами и божествами, которые определяли возможности выживания, поэтому связи с ними были наипервейшей заботой человека. Счастье для человека тех времён состояло в установлении и поддержании связей с богами. В разных

культурах эта связь представлялось по-разному: например, в Библии говорится о «Заветах» Бога, а в Ведах – о всеобщем мировом законе Рита. Связи эти устанавливались, поддерживались и восстанавливались через обряды и *жертвоприношения*. Ожидаемый ответ божества – это, соответственно, его благодать (давало благо), в результате которой человек обретал благополучие (получал благо) [9, с. 16]. Поскольку вся обыденная жизнь человека и общества была сакрализована (не было разделения на «быт» и «духовность», даже обычный приём пищи был ритуализирован, а всякая еда являлась выражением связи с её божественным подателем), то и *счастье* в его исконном смысле обязательно есть сакральная связь с иным миром (миром богов), с жизнью запредельной – находящейся за границей знакомого нам мира. И здесь весьма кстати можно вспомнить о греческой *эвдемонии*. Слово «эвдемония» образовано от двух слов «εὖ» (эв) – *добро* и «δαίμων» (даймон) – *дух, божество*. По-русски его можно перевести как «добрый дух», «добрый бог» или с современным произношением слова «даймон» – *добрый демон*. Таким образом, эвдемонию можно понять как доброе отношение богов, духов, их благоволение, *благосклонность бога*. Благосклонность же богов обреталась через «деятельность души сообразно добродетели» [1]. По-видимому, у нас есть все основания полагать, что подобный взгляд отражал общее миропонимание людей древности: благо состоит в особой созерцательной деятельности, сутью которой является *пребывание в связи с миром*: не только миром очевидным, но и миром предков, богов и духов, ибо от этой связи зависело благополучие. Вот эта связь, которая устанавливается *деятельностью души* человека, и является *счастьем*.

Треба также есть *действие (работа)*. Это *действие* направлено на восхваление, прославление, почитание, благодарение (как можно заметить, этот смысл прямо противоположен современному смыслу слов «треба» и «жертва» и их производных). Это *действие* исходит из такой *нужды-желания*, которая является для нас нестерпимой. То есть этой *нужде*, исходящей изнутри, мы не можем противиться, не можем её сдерживать, она принуждает нас к *действию*. К какому действию? Вдумаемся: если нам нужно чем-то насытиться утолить свою жажду, то что нам необходимо прежде всего сделать? Нам необходимо *установить связь, прийти в соприкосновение* с источником насыщения. В данном случае мы устанавливаем связь с тем, кого восхваляем, кому жертвуем, кого почитаем и благодарим. Для иллю-

страции этого обратимся к памятнику древнерусской письменности «Велесовой книге». (Вопрос о подлинности «Велесовой книги» обсуждается со времени её обнаружения. Есть немало работ, посвящённых как доказательствам её подлинности, так и фальсификации. Одним из убедительных доказательств её подлинности можно считать исследование, проведённое И.Ю. Додоновым [5]).

«Только молясь богам, имея чистыми Душу и тело, будем жить с Праотцами нашими, в богах сливаясь в единую Правду. Так лишь будем Дажьбожьими внуками!» [3, д. 1].

«Воспоём славу Сурожи, и так размышляем до вечера, и пять раз в день славим богов, и пьём сурицу в знак благости и общности с богами, которые суть в Сварге и также пьют за наше счастье...» [3, д. 3-а].

«Мы ставим на Сурью молоко наше с травами: на ночь добавляем в него шал(в)ию и иные травы, о которых говорили нам праотцы, и даём ему осуриться, и трижды пьём во славу богов пять раз в день. Так издревле, почитая богов, мы должны сотворять Требу, и Треба эта будет связкою между нами (и ими)...» [3, д. 5-б].

«Наша жертва – это мёд-сурья, заделанный на девясиле с шалфеем и на солнце, оставленный на три дня, а потом через шерсть процеженный. И будет он нашей жертвой богам правым, которые суть Праотцы наши, ибо мы произошли от Дажьбога и стали славными, прославляя богов наших, и никогда не просили их, не вымаливали себе благ. <...> И Сноп знает, что мы молились только о славе и никогда не просили иного, никогда не требовали безоблачной жизни» [3, д. 24-в].

Таким образом, нужда побуждает нас к действию *установления связи, соединения*, дабы мы, установив эту связь, насытили свою нестерпимую... *жажду единения*. Эта *жажда* есть та *сила*, которая не просто желает себя насытить и поэтому просит утоления, а это та *исконная жажда*, которая наполняет нас *движением жизни, силой жизни*. Это наше *движение жизни*, наше *действие по установлению связи* приводит нас к *очищению и насыщению*, то есть мы приносим себе *пользу*. В народе говорят: «Чего душа желала, то Бог и дал».

Итак, рассмотрение этимологических соответствий помогло нам прояснить основное смысловое содержание слова «любовь». И теперь мы имеем все основания попытаться вывести из этого психологические следствия, то есть обратиться к психологическому понятию любви.

Если в каждом из нас действует *сила жизни*, влекущая нас к тому, чтобы мы *устанавливали связи единения*, то это означает следующее: во-первых, что в некоей своей жизненной основе мы пребываем в крайнем одиночестве, в крайней выделенности из всего; во-вторых, это наше одиночество никогда не может быть окончательно преодолено, ибо это означало бы для нас конец действия той *силы*, которая наполняет нас *жизнью*; в-третьих, это наше одиночество является условием нашей жизни, ибо именно из рождающейся внутри него жажды мы производим *непрестанное движение жизни (действие по соединению)*. Если мы живём, это означает, что мы всегда одиноки, и мы всегда стремимся к расширению себя, распространению, к выходу за свои границы, за границы своего одиночества – к *объединению* с кем-то ещё.

В этой связи уместно вспомнить библейский миф о сотворении человека. Съев плод от дерева познания, Адам и Ева устыдились своей наготы и спрятались от Бога. В этом событии можно увидеть зарождение одиночества – знание себя, выделение себя из мира является началом отделённости. Адаму и Еве открылось знание о себе – и о Другом. И этого Другого они устыдились, поспешив прикрыться. Грех (от слова «греть» – то, что жжёт, мучает) и состоял в потере единства (в том, что они выбрали отойти от Бога, посчитав его чужим, ведь стыдимся мы только чужого взгляда). Почему говорят, что Бог есть любовь? Потому, что он есть *соединение несоединимого* – он тот, кто, несмотря на отделённость всего явленного, соединяет в себе всё. Потому любовь и является путём из мучительного чувства отделённости – тем, что преодолевает одиночество.

Наше постоянное стремление к единению при невозможности его окончательного достижения наполняет нашу жизнь неким трагизмом: мы вынуждены всегда и постоянно выполнять эту работу по *установлению связи, по объединению, по принятию и приращению*. При этом, как бы мы ни старались, мы всегда остаёмся одиноки, ибо само одиночество является одним из условий нашего человеческого существования – возможности совершать *движение по преодолению одиночества, движение соединения*. Нам необходимо принять это и соединиться со своим одиночеством – стоять в нём, пребывать в нём, при непрерывной работе по преодолению его – это наша работа жизни.

Человеческое существование (конечно, если человек рискует быть человеком) – существование

и героическое, и невозможное: человек, осуществляющий себя, одновременно пребывает в бесконечной боли одиночества и безграничном счастье единения. Он как бы соединяет в себе и осознание своей уникальности (а потому он и одинок), ибо таких, как он, больше нет, никогда не было и не будет, и осознание того, что он такой же, как и все люди бывшие, существующие и будущие (а потому он и един со всеми). В этой связи вспоминается заповедь Христа: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Фраза сама по себе неясная, вызывающая все эти тысячелетия вопросы о том, что же это значит. Вопрос часто ставится не только о том, как это возлюбить другого, но и о том, что означает любовь к себе. Но однажды в лекции психотерапевта Альфреда Лэнгле я услышал иное звучание этой заповеди: «Возлюби ближнего своего, *он такой же, как ты*». В таком переводе всё становится гораздо понятнее и очевиднее – психологически очевиднее. Если я воспринимаю другого, как такого же человека, как и я, если я не воспринимаю себя (другого) как исключительную исключительность, как уникальную уникальность, а как человека, который точно такой же *человек*, как и все и каждый в отдельности, тогда я снимаю часто непреодолимую дистанцию между собой и другим человеком – всё, что касается меня, касается и его; всё, что касается его, касается и меня. Тогда мы обретаем возможность *увидеть* друг друга (*locate, look*): *высветить* другого из тьмы его отделённости, направив на него *луч* своего *внимания*, обретаем возможность *встретиться* с ним (случиться) и почувствовать друг друга (теперь есть чем и что видеть и чувствовать) – мы получаем возможность *быть вместе*. Недаром «великими словами джунглей» являются слова: «Мы с тобой одной крови: ты и я!».

Но зачастую нам нравится развлекать себя представлением о своей уникальности: «Я не такой, как все!» – тем самым мы пытаемся, конечно же, отыскать самих себя. Только ищем при этом не в том месте, а потому ничего и никого не находим – не находим самих себя. Если мы знаем о своей уникальности как о неких наших отличительных признаках, если мы можем её описать, то это означает, что мы ничего не знаем о своей уникальности, более того – мы не хотим её знать, мы бежим от неё в свои представления о ней.

Более того, чем в большей мере мы направлены на отделение от других, на замыкание в себе, на свою или других людей «не таковость», тем в большей мере в нас нарастает психологическая пробле-

матика – страдание от своей отделённости, вплоть до клинических случаев. Психиатр и психотерапевт Г.М. Назлоян высказывается об этом следующим образом: «Вот уже тридцать лет мы пытаемся рассматривать аутизм как явление, общераспространённое в клинике психических заболеваний, а не специфическое для одной лишь шизофрении. *Было выдвинуто предположение, что признаки отчуждения присутствуют при каждом психическом и психосоматическом расстройстве.* Это наиболее радикальная точка зрения. Она не встречается в психодинамическом и феноменологическом подходах, рассматривающих проблему одиночества под углом зрения патологии. Одиночество в нашем представлении является коренным, сущностным свойством любого психического нарушения, водоразделом между нормой и патологией в психиатрии. <...> *Аутизм как нарушение (а не отсутствие) диалога человека с внешним миром означает для нас и нарушение внутреннего диалога, диалога человека с самим собой.* Эти два феномена мы воспринимаем как явления одного порядка. Любой дискомфорт человека, переживаемый относительно внешней среды или его телесного «я», получает отражение в психической сфере в форме нарушения внутреннего диалога, а феноменологически – аутизма. <...> Каждый симптомокомплекс, описанный в глоссариях, – от судорожного припадка до реактивных изменений психики, – предполагает нарушение диалога с внешним миром [11, с. 104].

Быть живым – значит вступать в отношения (*быть вместе*). В какой мере мы избегаем, уклоняемся от отношений, в той мере мы не живём. Мы уже по факту своего существования являемся отделёнными, и нам нет нужды прилагать особые усилия к тому, чтобы отделяться ещё больше. Напротив, нам нужно познавать свои границы и пределы своей отделённости с тем, чтобы понимать, каким образом мы можем *быть вместе* с другими.

С другой стороны, отказ от своего одиночества тоже может рождать проблемы, поскольку этот отказ нарушает непреложные условия нашего существования. Нам не нужно отказываться от своего одиночества (это невозможно), но нам не нужно и усугублять его сверх той меры, которую задаёт нам жизнь. Как это ни парадоксально, но только тогда, когда мы героически пребываем в своём не насыщаемом одиночестве и совершаем труд по преодолению своих пределов, мы имеем шанс встретиться с таким же одиночеством: именно только два одиночества имеют возможность встретиться, несмотря

на нашу привычку шутить об этом (мы иронично порой замечаем: «Встретились два одиночества»). Где нет одиночества, там нет и встречи. Потому, что иначе некому встретиться. Если мы не обретаем самих себя (а обрести себя мы можем только выделив себя из мира) в своём одиночестве, то мы, будучи растворёнными в общественной действительности нас самих, не существуем.

Вернёмся к слову «любовь». Мы говорили, что *любовь* есть *жажда*, *желание* того, что очень *мило*, *приятно*, *нравится*, что *успокаивает* и *радует*. Теперь же мы понимаем, что *любовь* представляет собой не просто желание что-то иметь, а является в основе своей *деятельностью по установлению связи*, по единению себя с чем-то, выходящим за наши пределы (и в этом единении мы обретаем *счастье*, становясь частью чего-то большего).

Да, *любовь* – это *желание*, это нестерпимая жажда – та жажда, которая исходит из самого жизненного нутра и ведёт нас к насыщению нашей жажды единения и сопричастности (счастья). И поскольку это жажда, а мы по условию существования отграничены, то эта сила, действующая в нас, непременно *пристрастна* и избирательна. Именно поэтому и любое наше чувство не есть нечто абстрактное, неопределённое – оно весьма конкретно, поскольку и мы конкретны – имеем свою определённость. Мы существуем в определённом мире, а не в некоем виртуальном бульоне жизни, в котором мы можем устанавливать «как бы» связи, некое эфемерное, абстрактное «вообще». В наших действительных связях и переживаниях нет никаких «вообще», а есть – вот *это* и вот *то*, вот *такое* и *этакое* – вполне определённые нечто и некто. Любя, мы любим не вообще, не размыто, не абстрактно, а весьма конкретно, избранно, путём единения с вполне конкретными явлениями этого мира. Поэтому, побуждаясь своей любовью, мы всегда узнаём свои и чужие границы (а они обязательно есть, ибо всё, что явлено, так или иначе отграничено, потому мы и говорим о непреодолимом одиночестве), своё и чужое отношение, выбирая то, что нам наиболее подходит (что может насытить нашу жажду к единению), несёт нам добро и благо, то есть наиболее полезно.

Таким образом, мы приходим к выводу, что нет никаких двух смыслов любви – смысл у неё один, и разница лишь в том, насколько мы вникаем в языковые смыслы, в свои желания, отношения, намерения и поступки. Слово может таить в себе свою полную противоположность, однако это не вина

языка, а проблема словоупотребления. Очевидно, что жажда единения, которая подвигает нас к установлению связей, к общению – это и есть то, что иначе можно выразить словами «желание иметь себе», ведь это же *я соединяюсь*. Когда я соединяюсь, я имею *себе*, в своих отношениях. Однако *иметь* мы можем по-разному. Иметь – не обязательно значит спрятать себе в карман. Ведь мы же говорим: *у меня есть жена*, *я имею детей* (друзей, работу и т.п.). Мы все *имеем* друг друга (возможно, вы сейчас улыбнулись ещё одному известному смыслу этого выражения), и *есть* друг у друга, и очень счастливы этим! И несчастны, когда не имеем. Дело не в том, иметь или не иметь, использовать или не использовать. В *использовании* друг друга нет ничего плохого самого по себе, поскольку слово «польза» само по себе указывает на весьма положительный смысл: *польза* (*по льзя*) от *льзя* – «можно», *льга* – «облегчение, возможность, лёгкий», вероятно, родственно словам «лежать», «ложе» [15]. Дело в том, как мы будем относиться к Другому: как к живому или как к неодушевлённому предмету. Живое и неживое мы имеем по-разному. И вопрос в том, вникаем ли мы в живые отношения или совершаем действия с предметами, не заботясь о жизни того, с кем соединяемся, с кем вступаем (или не вступаем) в отношения, кого принимаем, имеем и используем: «Думайте сами, решайте сами – иметь или не иметь».

Потому мы и можем иметь или не иметь, поскольку *любовь* наша всегда определённа.

И вот это обстоятельство определённости нашей любви, проявляющей себя в определённом мире, рождает весьма существенные сложности для нас, поскольку верно понимать свои желания, свою жажду – дело для нас весьма затруднительное. А когда мы не заняты пониманием себя и тех сил, которые в нас действуют (которые и являются нами), то чаще всего мы понимаем свои желания превратно. Соединяясь своей любовью с тем человеком, которого мы выбрали своей жадью, мы зачастую вместо того, чтобы осуществлять эту самую деятельность по соединению (по установлению живых отношений с живым человеком), по принятию другого, по включению его в свой мир, и через это находить насыщение своей жажды, мы начинаем переделывать другого (как неодушевлённый предмет), воспитывать его, учить – ломать под свои извращённые представления о своей нужде. Или мы начинаем требовать от него, ждать от него, что он начнёт нам что-то делать, давать, заботиться, хотя *треба*, как мы теперь понимаем, это не то, в резуль-

тате чего кто-то что-то нам должен делать, а это то, что *мы делаем* – это наше жертвоприношение, наше восхваление и почитание. И вместо насыщения, которое мы могли бы получить тем, что производим работу по принятию, по включению другого человека в себя, в свой мир (не иного его какого-то, «идеального», «хорошего», а вот такого, какой он есть), мы ломаем, мы негодуем, мы сетуем, жалим, обвиняем другого и... остаёмся неутолёнными.

Можно сказать, что *любовь* – это сила, исходящая из нашей жажды, неутолённости, недостатка единения, которые мы хотим восполнить. *Любовь* есть действующая в нас сила, направленная на установление единения, на принятие, она влечёт нас к тому, чтобы мы через свою деятельность, своё движение, восполняли себя, взращивали, расширяли. ***Любовь есть созидательная, творящая, устанавливающая связи, объединяющая деятельность. Она есть внутренняя деятельность по установлению связи, которая исходит из жажды единения, желания быть вместе.*** Именно *любовь* есть та сила, которой мы обретаем *счастье*. И совсем не случайно *любовь* нередко сравнивается с космической силой, подобной силе тяготения [15], поскольку, в общем-то, именно такое своё действие она и являет.

*Влекумы яблоком познания,
Не видим жизнь, и к сожаленью,
Нас удручают расставанья...
Всё уступает притяженью!*

*Планеты носятся по кругу...
И мы в какой-то круговерти
Клянёмся в верности друг другу
И ищем оправданья смерти,*

*Мы, не имея чувства локтя,
Не ведаем границ изгибы,
Мёд не умеем пить без дёгтя
(а ведь, наверное, могли бы!).*

*Зато почти без сожаленья
Накапливаем мудрость совью,
Забыв, что сила притяженья
Зовётся правильно любовью,*

*И без субботнего всезнания
Жить можно, славя воскресенье.
Жизнь не имеет оправданья,
Лишь только – силу притяженья [10, с. 23].*

Если теперь мы взглянем в то, как в жизни нами осуществляется *любовь*, что это означает – «любить», как мы любим, в чём *любовь* у нас проявляется, то мы увидим, что, во-первых, мы обращаем своё внимание на того, кого мы любим, во-вторых, когда мы любим, мы радуемся тому, что это (явление, которое мы любим, будь то человек или что-либо ещё) есть в мире, что оно живёт, и потому, в-третьих, мы заботимся о том, чтобы это существовало, чтобы оно продолжало жить, мы поддерживаем его и всё то, что способствует его росту, жизни, силе, самостоятельности.

Действующая «рука» бьющей из нас жизненной силы (силы любви), с помощью которой мы осуществляем принятие-собирающее воедино, есть *внимание* к Другому. По большому счёту, то, что подразумевается в психологии под «эмоциональным контактом», есть не что иное, как *внимание* друг к другу. *Внимание* есть то, что собирает нас в *совместность*, включает или выключает друг из друга, соединяет или разобщает. Я чувствую, что у меня есть связь (контакт) с человеком, когда моё *внимание сосредоточено* на нём, а его *внимание* – на мне. И мы нашим *вниманием* друг к другу создаём и держим нашу *совместность* – и чувствуем, что *мы вместе*. Именно в том, чтобы *быть вместе*, у нас имеется непреходящая нужда, которая и проявляется в стремлении к счастью. Когда мы замечаем, что кто-то обращён к нам своим *вниманием*, мы чувствуем некое наполнение себя, некое расширение и некое разрешение: мы как будто обретаем своё новое существование – более заметное, более широкое, значимое, нас как будто становится больше, что нами и переживается как *счастье*.

Внимание порождает заботу. Это означает, что мы поддерживаем «таковость» того, кого любим, его самостояние, его отдельность от нас и его... одиночество. Повторю: когда мы *любим* и хотим *быть вместе*, то в первую очередь мы поддерживаем в том, что (или кого) мы любим, его отдельность от нас, его самостоятельность! Ибо прежде всего нам важно, чтобы оно (вот такое) было и жило на белом свете. И именно его *самость*, его *таковость*, его *возможность* и *способность* жить являются условием его существования, а значит, и условием того, что мы сможем с ним *быть вместе*.

Таким образом, рассмотрение этимологии слова «любовь» действительно помогло нам лучше понять его психологическое содержание – оно стало гораздо более определённым и очевидным.

Любовь означает не желание что-то взять себе в своё владение, сделав своим кусок мира: мою женщину, моих детей, моих друзей, мою Родину и т.д. Любовь есть принятие и допущение, расположение и поддержка – она есть наша деятельность, направленная на поддержание жизни и взаимоотношений, она есть наше открытие себя для того, чтобы можно было что-то приобщить к себе, а себя приобщить к чему-то, сделав себя причастным. **Любовь есть наша созидательная, направленная на установление связи, объединяющая нас с людьми и миром, душевная деятельность.**

Культура человечества не стоит на месте, вместе с нею претерпевает изменения и язык. При этом зачастую слова видоизменяются настолько, что смыслы слов становятся совершенно иными, вплоть до их полной противоположности, и мы удаляемся от основ, теряя связь с сущностью явлений, и перестаём понимать говорящее с нами *сущее*, увлекаясь формами, потерявшими своё содержание. С

изменениями слов у нас изменяются способы категоризации реальности, мы начинаем иначе воспринимать действительность, и как следствие – начинаем жить в другом мире.

Вместе с искажёнными смыслами слов утрачивается наша способность и понимать самих себя, и воспринимать человеческий опыт – тот опыт, который был завещан нам предыдущими поколениями. Мы теряем свои корни, теряем связь с действительным миром, начинаем жить в вымышленном мире кривых зеркал.

При этом вместе с опустошением слов, потерявших связь с действительностью, превратившихся в пустышки, и весь мир человеческой культуры постепенно становится миром декораций и неверных представлений – становится культурой «Как бы».

Дверью же в мир действительных явлений является *слово*, сквозь которое говорит само сущее. Внимание к слову даёт нам возможность увидеть то, что находится за словом – явление, которое оно выражает. Возможно, что эта статья является хорошим тому примером.

Список литературы:

1. Аристотель. Никомахова этика. Философы Греции. М.: ЭКСМО-Пресс, 1997.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
3. Велесова книга / Пер. и коммент. Валентина и Юлии Гнатюк. М.: Амрита-Русь, 2006.
4. Дао дэ цзин // Древнекитайская философия. М.: Мысль, 1972.
5. Додонов И.Ю. Истоки славянской письменности. М.: Вече, 2008.
6. Дмитриева Т.Н. Жертвоприношение: поиски истоков // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. М.: Языки русской культуры, 2000.
7. Елизаренкова Т.Я. Мир идей ариев «Ригведы». – Ригведа. Мандалы V-VIII. М.: Наука, 1999.
8. Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь: около 30000 слов / Под ред. В.И. Кальянова. С приложением «Грамматического очерка санскрита» А.А. Зализняка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1987.
9. Ляшенко В.В. В поисках счастья. М.: Ирисбук, 2011.
10. Ляшенко В.В., Ляшенко Т.М. Мы вместе. М.: Новое время, 2014.
11. Назлоян Г.М., Назлоян Г.Г. Арт-терапия в клинической практике (портрет, автопортрет, бодиарт). Симферополь: ИТ «Ариал», 2013.
12. Сувейменов О. Язык письма. // Татарская электронная библиотека. (URL: <http://www.kitap.net.ru/sulejmenov/yazykpisma2-08.php>).
13. Санскритско-английский словарь. (URL: <http://www.spokensanskrit.de>).
14. Симонов П.В. Мотивированный мозг. М., 1987.
15. Словopedia: сборник электронных словарей. (URL: <http://www.slovopedia.com>).
16. Словари@mail.ru. (URL: <http://www.lingvo.mail.ru>).
17. Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Изд. отделения рус. яз. и словесности Императорской Академии Наук. В 3-х тт. С.-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1893.
18. Старославянский словарь. По рукописям X-XI вв. / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986.
20. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х тт. М.: Русский язык, 1999.
21. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка: Пособие для учителя. Изд. 2-е испр. и доп. / Под ред. чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1971.
22. Максимов Л.В. Что такое мораль: проблема определения // Философия и культура. 2012. № 10. С. 115-126.

References (transliteration):

1. Aristotel'. Nikomakhova etika. Filosofy Gretsii. M.: EKSMO-Press, 1997.
2. Benvenist E. Obshchaya lingvistika. M.: Progress, 1974.
3. Velesova kniga / Per. i komment. Valentina i Yulii Gnatyuk. M.: Amrita-Rus', 2006.
4. Dao de tszin // Drevnekitaiskaya filosofiya. M.: Mysl', 1972.
5. Dodonov I.Yu. Istoki slavyanskoi pis'mennosti. M.: Veche, 2008.
6. Dmitrieva T.N. Zhertvoprinoshenie: poiski istokov // Zhertvoprinoshenie. Ritual v iskusstve i kul'ture ot drevnosti do nashikh dnei. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000.
7. Elizarenkova T.Ya. Mir idei ariev «Rigvedy». – Rigveda. Mandaly V–VIII. M.: Nauka, 1999.
8. Kochergina V.A. Sanskritsko-russkii slovar': okolo 30000 slov / Pod red. V.I. Kal'yanova. S prilozheniem «Grammaticheskogo ocherka sanskrita» A.A. Zaliznyaka. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Rus. yaz., 1987.
9. Lyashenko V.V. V poiskakh schast'ya. M.: Irisbuk, 2011.
10. Lyashenko V.V., Lyashenko T.M. My vmeste. M.: Novoe vremya, 2014.
11. Nazloyan G.M., Nazloyan G.G. Art-terapiya v klinicheskoi praktike (portret, avtoportret, bodiart). Simferopol': IT «Arial», 2013.
12. Suleimenov O. Yazyk pis'ma. // Tatarskaya elektronnyaya biblioteka. (URL: <http://www.kitap.net.ru/sulejmenov/yazykpisma2-08.php>).
13. Sanskritsko-angliiskii slovar'. (URL: <http://www.spokensanskrit.de>).
14. Simonov P.V. Motivirovannyi mozg. M., 1987.
15. Slovopediya: sbornik elektronnykh slovarei. (URL: <http://www.slovopedia.com>).
16. Slovarei@mail.ru. (URL: <http://www.lingvo.mail.ru>).
17. Sreznevskii I.I. Materialy dlya slovary drevne-russkogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. Izd. otdeleniya rus. yaz. i slovesnosti Imperatorskoi Akademii Nauk. V 3-kh tt. S.-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1893.
18. Staroslavianskii slovar'. Po rukopisyam X-XI vv. / Pod. red. R.M. Tseitlin, R. Vecherki, E. Blagovoi. M.: Russkii yazyk, 1994.
19. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 4-kh tt. / Per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. 2-e izd., ster. M.: Progress, 1986.
20. Chernykh P.Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka. V 2-kh tt. M.: Russkii yazyk, 1999.
21. Shanskii N.M. Kratkii etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: Posobie dlya uchitelya. Izd. 2-e ispr. i dop. / Pod red. chl.-kor. AN SSSR S.G. Barkhudarova. M.: Prosveshchenie, 1971.
22. Maksimov L.V. Chto takoe moral': problema opredeleniya // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 10. S. 115-126.